

Приказ Шэнь Цы был словно камень, брошенный в тихий пруд: под глубокой, невозмутимой гладью Юньчэна он поднял со дна скрытые, но яростные подводные течения.

Следующие несколько дней прошли в кажущемся спокойствии, однако чуткие люди уже могли уловить в воздухе необычное напряжение.

Заголовки финансовых изданий пестрели новостями о начале процедуры банкротства корпорации Фу, но вскоре их вытеснили куда более шокирующие известия.

Сначала несколько влиятельных СМИ почти одновременно получили анонимные письма. К ним прилагались скриншоты — часть доказательной базы, изобличающей сговор Фу Юньчжэна с семьей Чжао и кражу коммерческих тайн корпорации Шэнь. Хотя имен не называли, улики были настолько прозрачны, что мгновенно вызвали грандиозный скандал.

Следом за этим полиция и дисциплинарная комиссия практически синхронно начали расследование. Чиновники и руководители предприятий, тесно связанные с семьей Чжао, внезапно стали вести себя подозрительно тихо, а некоторые и вовсе слегли с внезапными болезнями.

Деловой мир Юньчэна словно пережил безмолвное землетрясение: каждый опасался за себя, повсюду слышались шепотки. Те, кто прежде поддерживал тесные связи с семьей Чжао или Фу Юньчжэном, теперь изо всех сил пытались откреститься от знакомства с ними.

Шэнь Цы сидел в своем кабинете и спокойно слушал ежедневный отчет секретаря Вана, подобно гроссмейстеру, который видит, как фигуры на доске одна за другой занимают нужные позиции согласно его воле.

— Акции группы Чжао падают три дня подряд, многие совместные проекты заморожены или отправлены на пересмотр. Вчера господин Чжао пытался связаться с вашим отцом, но получил вежливый отказ, — голос секретаря Вана звучал ровно, но в глубине глаз читалось злорадство.

— М-м, — Шэнь Цы просматривал отчеты, не поднимая головы. — А что с Фу Юньчжэном?

— Психическое состояние у него скверное, то лучше, то хуже. Допросы практически завершены, он выложил всё, что знал. Полиция спрашивает, как поступить дальше?

Перо в руке Шэнь Цы замерло.

Как поступить?

С человеком, которого он когда-то любил, потом ненавидел, а теперь испытывал лишь бесконечное отвращение и презрение.

Он закрыл глаза, но перед внутренним взором возник не умоляющий или обезумевший Фу Юньчжэн, а Лин Цзинсу, который в утренних лучах солнца спокойно просил его беречь себя.

Навалилась глубокая усталость.

Продолжать эту вражду казалось бессмысленным. Это лишь значило позволить грязному прошлому и дальше отравлять настоящее.

— Действуйте по закону, — Шэнь Цы открыл глаза, и в его взгляде застыло холодное равнодушие. — Сколько положено по приговору, столько пусть и сидит. После этого я не хочу больше слышать в Юньчэне ни слова о нем.

— Понял, — секретарь Ван сделал пометку. — А... Чжоу Яньсюй?

Брови Шэнь Цы едва заметно дрогнули. Этот паразит, присосавшийся к Фу Юньчжэну, сейчас, должно быть, до смерти напуган.

— Пусть убирается из Юньчэна. Дайте ему денег, чтобы хватило на спокойную жизнь, но предупредите: пусть держит язык за зубами, — наконец решил Шэнь Цы. Уничтожать такого человека было ниже его достоинства.

— Слушаюсь.

Секретарь Ван закончил доклад и, поклонившись, собрался уходить.

— Постой, — окликнул его Шэнь Цы.

— У господина Шэня есть еще распоряжения?

Шэнь Цы машинально перебирал пальцами дорогую перьевую ручку, глядя в окно, и как бы невзначай спросил:

— В медицинском институте... сейчас много работы?

Секретарь Ван на секунду замялся, но быстро сообразил, о ком идет речь. Он осторожно ответил:

— Доктор Лин, кажется, работает в обычном режиме, разрывается между больницей и институтом. Нужно... проявить к нему внимание?

— Не нужно, — тут же отрезал Шэнь Цы, его голос прозвучал резковато. — Просто спросил.

Свободен.

В глазах секретаря Вана мелькнуло понимание, но он благоразумно промолчал и тихо вышел.

В кабинете снова воцарилась тишина.

Однако Шэнь Цы чувствовал беспокойство, сосредоточиться на документах не получалось.

После того утра они с Лин Цзинсу больше не общались. На сообщение «не забудь сменить повязку» он так и не ответил. Не знал, что написать, да и боялся: стоит ответить — и вырвется наружу то самое неуместное, волнующее чувство.

Он чувствовал себя так, словно стоял на неведомом перекрестке: с одной стороны — привычный, холодный и расчетливый путь мести, а с другой — едва заметный слабый свет, который манил его, но одновременно вызывал необъяснимый страх и неуверенность.

Он машинально поднял правую руку, глядя на аккуратную повязку. Лин Цзинсу отлично справился, зафиксировал все как надо, боль почти утихла.

Словно поддавшись наваждению, он достал телефон и открыл список контактов.

Не для того, чтобы позвонить, а чтобы перечитать два сообщения, присланных Лин Цзинсу.

«Не забудь сменить повязку».

«Как рука?»

Кратко, без капли эмоций — обычная врачебная забота.

Он долго смотрел на эти две строчки, а затем, словно приняв решение, начал печатать.

«Повязку сменил. Руке намного лучше».

Нажал отправить.

В ту же секунду, как сообщение ушло, он пожалел. Что это было? Отчет о проделанной работе? Глупость какая.

Он в раздражении хотел отменить отправку, но обнаружил, что такой функции нет.

И пока он сверлил взглядом экран, мечтая прожечь в нем дыру, раздался звук входящего сообщения.

Ответ пришел пугающе быстро.

«М-м. Хорошо».

Все те же три лаконичных слова.

Сердце Шэнь Цы пропустило удар. Он почти физически представил, как Лин Цзинсу с бесстрастным лицом набирает этот ответ.

Он сжал телефон, пальцы долго зависали над экраном, борясь с собой, пока он не выдавил:

— Ты сегодня свободен?

Отправив это, он чуть не швырнул телефон в стену! Что это такое? Приглашение? Под каким предлогом? Срок повторного приема прошел! Поблагодарить за кашу? Слишком наигранно!

Пока внутри него бушевала буря, пришел ответ Лин Цзинсу.

«Сегодня ночное дежурство».

Короткий, решительный отказ. Даже без извинений.

Шэнь Цы смотрел на эти слова, и его охватило странное чувство — то ли разочарование, то ли облегчение. И ладно. Зато не нужно искать предлог.

Он уже собирался убрать телефон, как экран снова загорелся.

Снова Лин Цзинсу.

«Завтра после трех часов дня я буду в больнице».

В этом сообщении не было ни приветствий, ни прощаний, лишь сухая констатация времени.

Но сердце Шэнь Цы словно кто-то нежно сжал, и по телу разлилось тонкое, невыразимое волнение.

Он что... сообщает ему, когда будет свободен?

В душе поднялось неконтролируемое ликование, разогнавшее тучи и усталость последних дней.

Он смотрел на это сообщение добрых десять секунд, а затем пальцы быстро набрали:

«Понял».

Отложив телефон, Шэнь Цы заметил, что уголки его губ невольно поползли вверх.

Он подошел к панорамному окну, глядя на шумные улицы внизу. Солнце светило ярко, согревая теплом.

Тени, отброшенные Фу Юньчжэном и семьей Чжао, постепенно рассеивались. Шрамы остались, но теперь они были не единственным, что занимало его мысли.

Он снял трубку внутреннего телефона.

— Секретарь Ван, отмените все мои дела на завтра после трех часов дня.

На том конце провода секретарь явно удивился, но лишних вопросов не задал:

— Слушаюсь, господин Шэнь.

Повесив трубку, Шэнь Цы глубоко вздохнул.

Может быть... стоит сделать шаг навстречу этому слабому свету.

Пепел прошлого еще не остыл до конца, но новые ростки, казалось, уже начали неслышно пробиваться в укромном уголке его души.

Он снова взглянул на экран телефона, на эти несколько коротких сообщений, и его взгляд стал глубоким и сосредоточенным.

Завтра, три часа дня.

Больница.

<http://bllate.org/book/19433/1903690>